

П. ИВИЧ

ОСНОВНЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ СЕРБОХОРВАТСКОГО ВОКАЛИЗМА

§ 1. В настоящем очерке мы попытаемся осветить в основных чертах пути развития сербохорватской с и с т е м ы вокализма. Исходя из того, что она собой представляла в конце праславянской эпохи, и затем проследившая ее отражение в памятниках письменности, мы дойдем до рассмотрения ее в современных говорах. При этом главное внимание будет сосредоточено на числе дифференцированных единиц (фонем) и на их взаимоотношениях, в особенности на дифференциальных признаках (важнейших фонологических свойствах, определяющих различие между фонемами или рядами фонем).

Для осуществления поставленной задачи придется по-новому осветить материал, почерпнутый из памятников письменности и диалектов. Дело в том, что все имеющиеся описания памятников и диалектов, как правило, рассматривают фонетический инвентарь текстов или народных говоров в виде суммы отдельных фактов, а не как систему. В частности, при изучении языка памятника обычно в центре внимания исследователя находятся графемы, или судьба праславянских звуков, а не та звуковая система, на которой базируется текст. Поэтому в ряде случаев мы будем принуждены пересмотреть существующую интерпретацию языковых особенностей памятника. Точно так же придется в имеющихся описаниях народных говоров отделить то, что является фонемой, от того, что представляет собой ее позиционный вариант.

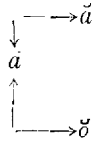
Краткость изложения вынуждает нас придать очерку характер сводки — изложить лишь основные пути развития, отказавшись от полноты освещения вопроса и рассмотрения отдельных частных моментов и примеров¹.

Упрощение унаследованной системы вокализма

§ 2. Ясны и бесспорны причины тех перемен, которые, особенно в начальный период развития отдельных славянских языков, коренным образом изменили систему вокализма каждого из них. Вокализм раннего периода праславянской эпохи отличался чрезвычайной сложностью, асимметричностью и прежде всего наличием в общем очень большого числа дифференцирующих признаков. Дифференцирующую функцию имели противопоставления гласных низкого и высокого подъема (например, $o \infty u$), затем переднего и заднего ряда (например, $ъ \infty ъ$), нелабиализованных и лабиализованных (например, $y \infty u$), полного образования и редуцированных (большинство гласных $\infty ъ$ и $ь$), ртовых и носовых (большинство гласных $\infty \rho$ и ϵ). К этому следует прибавить и богато развитую систему

¹ Все-таки даже далеко не полный анализ системы вокализма сербохорватских говоров выявляет значительно большее разнообразие типов и оттенков, чем это было принято считать.

просодических противопоставлений, так как язык был политоническим с разноместным ударением. Наконец, развитие количественных отношений в конце праславянской эпохи и в начальный период отдельной жизни славянских языков довело эту сложность и перегруженность до предела. После периода, в котором, например, $\ddot{o}$ противопоставлялось $\bar{a}$, при сокращении долгот в известных позициях появилось отношение:

Вскоре затем удлинение $\ddot{o} > \bar{o}$, например в случаях типа $b\ddot{o}gъ > b\bar{o}g$ во многих славянских языках, в частности и в сербохорватском, создало четырехчленное отношение типа $\bar{a} \sim \bar{a} \sim \bar{o} \sim \ddot{o}$. Таким образом, перегруженность системы гласных удвоилась: вместо прежнего положения, когда каждый гласный мог быть только долгим или только кратким, создалось такое положение, когда все гласные могли быть и долгими и краткими. Количество дифференцированных гласных (иначе говоря, число комбинаций существующих гласных с возможной их акцентировкой) колоссально возросло. Если же принять во внимание еще и r и l , то можно утверждать, что их число на сербохорватской почве несомненно было больше сорока и приближалось к цифре пятьдесят.

Конечно, и эта перестройка системы гласных давно известна в науке, но мы были вынуждены на ней остановиться, так как она оказалась импульсом для последующих изменений. Принцип экономии фонологических дифференцирующих средств начал действовать с большой силой.

§ 3. Одновременно с появлением долгот в примерах типа *bog* или несколько позже в сербохорватском языке утерялись противопоставления по редуцированности и по носовому признаку, противопоставления же по месту артикуляции (гласные переднего и заднего ряда) в полной мере или частично слились с противопоставлениями по признаку участия губ (по лабиализованности). Это конкретно означало, что:

1) редуцированные гласные в некоторых позициях утратились, а в некоторых перестали быть редуцированными, что обнаруживается в их сплоскости принимать на себя количественные противопоставления (ср. случаи, например, *dān* и *drānci*, где $\bar{a}$ является рефлексом редуцированного, получившего долготу);

2) носовые гласные утратили свой носовой признак¹;

3) *y* и *i* объединились, а различие между $\bar{z}$ и $\bar{y}$ в сербохорватском языке было утеряно еще раньше.

Объединение звуков, указанных в пункте 3, осуществилось в пользу нелабиализованных гласных переднего ряда; таким образом, $\bar{y}$ дало *i* и $\bar{z} > \bar{y}$. В этой связи становится ясным, почему, например, в латинских памятниках письменности XI—XII вв., содержащих сербохорватские личные и географические имена, последовательно пишется

¹ Встречается, правда, и в современном сербохорватском языке произношение носовых гласных, а именно перед щелевыми согласными. Так, например, в литературном языке в таких словах, как: *женски*, *бронза*, *бранша*, *манжетна*, *конферисати*, *симфонија*, обычно произносится носовой гласный, за которым следует необязательное произношение недлительного и редуцированного носового сонорного согласного при условии непрерывного прохождения воздушной струи через полость рта. Однако носовые гласные в этом случае имеют лишь фонетическое значение и не содержат в себе фонологического качества.

e или *i* на месте объединившихся в звучании редуцированных гласных¹. Если бы рефлекс обеих редуцированных гласных не произносился как гласный переднего ряда (или хотя бы в области между передним и средним рядом), его отражение в памятниках той эпохи не ограничивалось бы столь последовательно гласными переднего ряда.

§ 4. После этих изменений в сербохорватском языке осталось семь гласных: переднего ряда *i*, *ь*, *ѣ* и *e* и заднего *и*, *о* и *а*. В некоторых диалектах на северо-западе, а именно в кайкавском, а также и в некоторых северо-западных чакавских говорах (в части Истрии) и, видимо, на крайнем северо-западе штокавских говоров (в части Славонии, см. § 11), сохранился в виде отдельной фонемы и рефлекс носового *ѣ* со звуковым качеством *ѣ* (между *о* и *и*).

§ 5. Фонетические и фонологические отношения между гласными заднего ряда в такой системе совершенно ясны. Это ступенчатое трехчленное или четырехчленное противопоставление. Гласные же переднего ряда ставят перед нами немало серьезных проблем прежде всего по причине противоречия, создавшегося между древнейшей фазой их развития и позднейшими результатами его. Современные рефлексы в большей части области распространения сербохорватского языка указывают на то, что *ѣ* был более открытым, чем *e* (рефлексы колеблются от *a* до *e*), а *ѣ* был более закрытым (рефлексы от *e* до *i*). Иными словами, сопоставление положения по диалектам приводит к такому ряду:

i
ѣ
e
ь
a

Однако древнейшие тексты не подтверждают этого предположения. Обозначение редуцированного гласного в период до его замены колеблется между *e* и *i*, в то время как *ѣ*, как правило, передается в виде *e*. Больше того, перегласовка *ѣ* > *a* в известных позициях (типа *orah*, *gi azdo* и т. п.), на которую обратил внимание П. Скок², а после него и М. Маленки³, свидетельствует о том, что в каком-то периоде, очевидно доисторическом, *ѣ* в сербохорватских говорах был более открытым, чем *e*. Это означает, что для первичной фазы развития сербохорватского языка характерен такой ряд:

i
ь
e
ѣ
a

Этот факт ставит нас перед серьезной проблемой, до сих пор недостаточно исследованной: как объяснить изменение отношения *ь* — *e* — *ѣ* в координально ему противоположное: *ѣ* — *e* — *ь*? Если *ь* первоначально

¹ Ср., например: V. J a g i ć, Woher das sekundäre *a*?, «Archiv für slav. Philol.», IV, 1880; P. S k o k, Supetarski kartular, Zagreb, 1952, стр. 245.

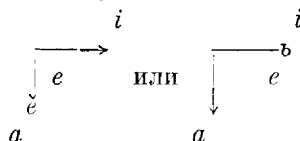
² P. S k o k, Iz slovenačke toponomastike, «Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino», VIII, Ljubljana, 1931; е г о ж е, Bugarski jezik u svetlosti balkanistike, «Јужнословенски филолог», XII, Београд, 1933, стр. 96—99; е г о ж е, Leksikologijske studije, «Rad Jugoslav. akad. znanosti i um.», knj. 272, Zagreb, 1948, стр. 34—38.

³ М. М а л е н к и, Još o razvoju *ѣ* > *a* u srpskohrvatskom jeziku, «Јужнословенски филолог», XI, 1931, стр. 217—219.

был более открытым, чем *e*, и затем стал более закрытым, то как могло случиться, что он не совпал с этим гласным? И точно так же, как *ь* из звука более закрытого, чем *e*, мог стать более открытым и при этом не совпал с последним?

Сразу, казалось бы, на этот вопрос легко дать простой убедительный ответ: весь процесс можно объяснить различиями в количестве. Известно, что *ě* по своему происхождению всегда долгий, *e* — всегда краткий, а *ь* представляет собой звук короче краткого. Известна также во многих языках (в частности, например, в латинском, немецком, да и в современном сербохорватском) тенденция к произношению долгих гласных — как более закрытых и кратких гласных — как более открытых. Это могло бы означать, что количественное различие обусловило полное изменение первоначальных отношений указанных трех гласных и что в то же время оно сохранило эти гласные в период развития указанного процесса от их взаимного совпадения (т. е. в то время, когда *ě*, становясь более закрытым, достиг качественной окраски гласного *e*, он отличался от *e* долготой). Однако такое предположение, сколь привлекательным оно бы ни казалось, не может быть правильным, прежде всего по причинам хронологического порядка. В эпоху изменения отношений между *ь*, *e* и *ě* в смысле их звуковой окраски как гласных все эти три звука уже могли быть и долгими и краткими. Необходимо, значит, искать другие объяснения.

Несомненно одно: *ě* не был просто *ä*, а также и *ь* не был вполне равен *e*; в противном случае процесс, ведущий к более закрытому произношению первого или более открытому произношению второго гласного, неизбежно привел бы к слиянию с *e*. Оба гласных должны были иметь что-то специфическое, что обеспечило бы процессы:

§ 6. Обычно считают, что *ě* в своем первоначальном произношении в сербохорватском языке содержал известный элемент дифтонгичности. Упомянутые выше выводы П. Скока подтвердили вероятность этого предположения. Перегласовка $\check{e} > a$ в позиции *п о с л* е некоторых согласных проще всего объясняется тем, что в т о р а я часть артикуляции *ě* была открытой, в то время как начальная, более закрытая часть поглощалась предыдущим согласным. П. Скок зашел так далеко, что даже высказал предположение о качестве *ě* в виде *ia* или под. В этом, однако, трудно с ним согласиться. Такое предположение противоречит свидетельствам памятников письменности, содержащим сербохорватские имена, в которых вплоть до XIII в. (и почти до XIV в.) воспроизводится рефлекс *ě* только монофонгическими графемами (*e*, позднее и *i*). Кроме того, если бы первым компонентом произношения *ě* был действительно *i*, он вызвал бы неизбежно йотирование предшествующего согласного, а если бы второй компонент соответствовал *a*, то он и разделял бы судьбу этого гласного. Все это приводит к заключению, что по своему качеству *ě* в сербохорватском языке первоначально представлял собой дифтонг неполного образования $\check{e}\check{a}$ или нечто подобное. Звуковое различие между первым и вторым компонентом этой фонемы не было настолько велико, чтобы получить свое отражение при воспроизведении сербохорватских имен в древних памятниках письменности.

§ 7. Звук, получившийся в результате объединения редуцированных гласных, первоначально был несомненно более закрытым, чем *e*, что про-

является в его обозначениях в памятниках, колеблющихся между *e* и *i*. Но это все же не значит, что интересующий нас звук был просто между *e* и *i*. По-видимому, его артикуляция была несколько оттянутой назад к среднему ряду, до некоторой степени подобно польскому *u*. Этим объясняется не только тот факт, что данный звук мог выступать как более открытый, чем *e*, и не сливаться с ним, но и объясняются рефлексы его *э* и *о* в некоторых периферийных говорах.

§ 8. Таким образом, система вокализма сербохорватского языка после слияния *э* с *ь* и *и* с *і*, а также замены носовых все еще не была стабилизирована. Происшедшие изменения, в основном, были направлены к тому, чтобы привести гласные к такой системе, в которой дифференцирующую функцию осуществляли бы только два вида противопоставлений: передние—задние и низкие—высокие. Все же качество гласных *ѣ* и *ь* не укладывалось в полной мере в эту систему. Их качество отличалось от качества ближайших к ним гласных и другими моментами. Поэтому они подверглись новым изменениям.

§ 9. Эволюция *ѣ* в большинстве говоров развивалась в направлении монофтонгизации путем уподобления второго компонента первому: $\widehat{e\ddot{a}} > e$ или под. Так *ѣ* оказался среди гласных переднего ряда между *e* и *i*. Этот процесс начался настолько рано, что в некоторых районах уже в XI в. *ѣ* был более закрытым, чем *e*. В части чакавских говоров указанная ассимиляция происходила особенно рано в тех случаях, когда после *ѣ* не было твердого зубного согласного, способствовавшего менее палатальной артикуляции второго компонента $\widehat{e\ddot{a}}$. Это обусловило двоякую замену *ѣ* в данных говорах: *e* перед твердыми зубными, *i* в других позициях (известный закон Якубинского и Мейера). В некоторых окраинных говорах на юго-востоке (например, призренская или косовская зона) и на крайнем северо-западе (чакавские говоры в кварнерской зоне), возможно, был и прямой переход *ѣ* в *e*, без предшествующей ступени *e*. В этих говорах, вообще говоря, не обнаруживается случаев перехода $\widehat{e\ddot{a}} > i$ в известных фонетических позициях, которые мы находим в других экавских (и екавских) говорах, как доказательство того, что качество *ѣ* до его замены и здесь было закрытым. Точно так же не исключена возможность того, что в некоторых центральных говорах, из которых позднее развился екавский диалект, монофтонгизация не была завершена в полной мере, т. е. *ѣ* сохранял качество $\widehat{e\ddot{e}}$ или под.

§ 10. В большинстве говоров эволюция рефлекса редуцированного гласного развивалась в направлении полного включения его в группу гласных переднего ряда. Как правило, при этом он становился более открытым. В большинстве кайкавских говоров данный звук совпал с *e* (местами же с $e < \widehat{e}$), а в большинстве штокавских, а также, вероятно, и чакавских говоров перешел в *а*. В призренско-тимоческой диалектной зоне на юго-востоке процесс, однако, был в значительной мере иным: отход *ь* от гласных переднего ряда увеличился, и рефлекс редуцированного стабилизировался в системе гласных как *э* — звук, отличающийся от *а* более высоким подъемом, а от *о* и *и* — отсутствием лабиализации. При условии изменения $\widehat{e\ddot{a}} > e$ получилась в этих говорах шестичленная система вокализма с тремя рядами гласных¹:

и э і
о а е

¹ Ср., например, материал и объяснения А. Белича (А. Б е л и ч, Дијалекти Источне и Јужне Србије, Београд, 1905).

В говорах указанной зоны, таким образом, противопоставление: нелабиализованные, лабиализованные гласные — выступает как особый дифференцирующий признак, не связанный с противопоставлением: гласные переднего, гласные заднего ряда. В этом отношении призренско-тимочская зона представляет собой составную часть ареала, который охватывает и большую часть болгарских говоров и многие македонские, а кроме того, и некоторые неславянские балканские языки. Здесь, конечно, дело в языковом союзе, а не в общем происхождении. Это отражает также и независимость происхождения гласного *ə*: в указанных говорах *ə* никогда не бывает рефлексом *o*, что, вообще говоря, характерно для болгарских (и македонских) диалектов.

По-видимому, и на крайнем западе сербохорватской территории, в некоторых чакавских говорах, был процесс $\text{ь} > \text{ə}$. К этому выводу нас приводит качество *o* как рефлекса, редуцированного в известных позициях в некоторых говорах на *o*-ве Крк и в северной Истрии. Такую эволюцию в указанных окраинных говорах нельзя отделить от процесса $\text{ь, ь} > \text{ə}$ в большей части говоров соседнего словенского языка. Позже, однако, вокализм этих говоров все же был упрощен в результате утери *ə*, перешедшего в *a* или в *o* в зависимости от его фонетической позиции.

§ 11. С переходом ь и ь в ряд гласных переднего образования в большинстве сербохорватских говоров сложились семичленные системы гласных (ср. § 4):

	<i>u</i>	<i>i</i>	
а)	<i>o</i>	<i>e</i>	(основная штокавская система)
	<i>a</i>	<i>ä</i>	
	<i>u</i>	<i>i</i>	
б)	<i>o</i>	<i>e</i>	(основная кайкавская система)
	<i>a</i>		

Отсутствие *o* в штокавской системе обусловлено тем, что *o* очень рано дало *u*, а отсутствие *ä* в кайкавской системе является результатом того, что ь дал *e* (или *e*). Однако в одном из районов на штокавско-кайкавской границе, в северо-западной Славонии, по-видимому, одно время существовала восьмичленная система:

<i>u</i>	<i>i</i>
<i>o</i>	<i>e</i>
<i>o</i>	<i>e</i>
<i>a</i>	<i>ä</i>

К такому выводу приводят нас записи топонимов из этого района в латинских памятниках, например, XIII в. Там на месте *o* пишут то *o*, то *u*, на месте ь — то *e*, то *i*, а на месте редуцированного гласного обнаруживаются и *a*, и *e*. Колебания в написании вызваны тем, что латинская графика не давала возможности точно воспроизвести качество звука. Это в то же время было единственной возможностью отразить в письме наличие особой фонемы. Ст. Павичич ошибается, когда в каждом подобном примере видит уже готовый рефлекс, т. е. доказательство того, что, например, ь совпадал с *i* или с *e*¹. Подобное объяснение оставляет открытым вопрос о том, как могло быть, что в одной местности в одно и то же время в одинаковых пози-

¹ S. Pa*▼*i*ć*i*ć*, Podrijetlo hrvatskih i srpskih naselja i govora u Slavoniji, Zagreb, 1953.

циях было два разных рефлекса, и как затем могло случиться, что в настоящее время в той же местности обнаруживается только один из этих рефлексов.

§ 12. Свидетельства подобного рода мы имеем в большинстве дубровницких рукописей XIV в. Там на месте *ь* пишется *e* или *a*, а на месте *ѣ* — *i* или *e* (что соответствует системе, данной в § 11 под рубрикой «а»). Интересно отметить, что в данном случае речь идет о рукописях, писанных кириллицей, так что возникает вопрос: почему писцы не пользовались графемами *ь* или *ѣ* вплоть до того времени, пока соответствующие фонемы не совпали с некоторыми из других гласных. Ответ следует искать в области истории культуры: в средние века писцы так называемой «сербской канцелярии» Дубровницкой республики хотя и пользовались кириллицей в дипломатической переписке с сербскими и боснийскими правителями и феодалами, все же были воспитаны на традициях латинской письменности. Поэтому они, как правило, недостаточно понимали значение в кириллице таких графем, как *ь* и *ѣ*, для которых в латинице нет эквивалентов, что их приводило при пользовании этими знаками к многообразным ошибкам¹.

М. Решетар, имеющий огромные заслуги в исследовании истории сербохорватского языка этой эпохи, все же не понял, что явление колебания между *e* и *i* при обозначении рефлекса *ѣ* в действительности указывает на произношение этого звука как среднего между *e* и *i*. Кроме того, когда Решетар писал свои труды, не было известно, что еще существуют штокавские говоры, сохраняющие подобное качество *ѣ*. В связи с этим Решетар не мог использовать также того факта, что первые ученые, изучавшие эти говоры², на месте рефлекса *ѣ* писали то *e*, то *i*. Только позднее было доказано³, что здесь дело в сохранении *ѣ* как особой фонемы, которую недостаточно подготовленные исследователи, будучи в то же время тонкими наблюдателями, воспринимали то как *i*, то как *e*. Естественно, то, что произошло с этими учеными, значительно легче могло случиться со средневековыми писцами.

§ 13. В описанной выше семичленной системе гласных (§ 11, а), которую мы находим в Дубровнике в XIV в., было одно пустое место. Среди гласных заднего ряда не хватало парного гласному *ѣ* (= *e*). На рубеже XV в. это пустое место было заполнено. Рефлекс *!*, сохранившийся до тех пор в звуковой системе языка, пишется в текстах той эпохи различно: то как *u*, то как *o* или *uo*. В то же время появляется, наряду с прежним *e* и *i*, и написание *ie* для рефлекса *ѣ*. Таким образом, получается восьмичленная система вокализма:

<i>u</i>	<i>i</i>
<i>o</i>	<i>e</i>
<i>o</i>	<i>e</i>
<i>a</i>	<i>ä</i>

Как вообще часто бывает в таких случаях, появилась тенденция сохранения индивидуальности фонем *e* и *o*, находящихся между *e* и *i* и между *o* и *u*, при помощи более сильной дифтонгизации. Таким образом создается екавское произношение. Существенное значение имеет в данном слу-

¹ Ср. об этом М. Rešetar, Die ragusanischen Urkunden des XIII.—XV. Jahrhunderts, «Archiv für slav. Philol.», XVI—XVII, 1894—1895 и его же, Najstarija dубровачka прова, Београд, 1952.

² См., например: Lj. Miletič, Ueber die Sprache und Herkunft der sog. Krašovaner in Süd-Ungarn, «Archiv für slav. Philol.», XXV, 1903; М. Филиповић, Галипольски Срби, Београд, 1946.

³ E. Petrović, Graiul Carasovenilor, București, 1935; П. Ивић, [Извештај о испитивању говора ...], «Гласник САН», II, 2, Београд, 1950, стр. 315.

чае тот факт, что здесь мы встречаемся с позднейшим процессом, а не с сохранением старого положения. Несмотря на то, что мы располагаем большим количеством памятников, относящихся к различным эпохам, только в течение XIV в. в латинских рукописях, а в конце этого века в рукописях, писанных кириллицей, обнаруживается в значительной мере екавский рефлекс *ě*. Характерно, что параллельно с дифтонгизацией *ě* развивается дифтонгизация рефлекса *!* > *uo* в той же местности. Поэтому екавский рефлекс *ě* в сербохорватских говорах не может быть использован в качестве аргумента в пользу дифтонгической природы праславянского *ě*¹.

§ 14. Восьмичленная система, образовавшаяся в результате включения рефлекса *!*, просуществовала не долго. Очень скоро, уже в начале XV в., рефлекс редуцированного в Дубровнике совпал с *a*; при этом и дифтонги *uo* и *ie* не были вполне стабильными. Особенно неустойчивым оказался дифтонг *uo*. В различных языках как частое явление, обусловленное асимметрией речевых органов, наблюдается то, что некоторые гласные переднего ряда высокого и среднего подъема не имеют себе парных заднего ряда. Так случилось, что рефлекс *!* в большинстве екавских говоров до конца XV в. совпал с *u*, в то время как в некоторых говорах восточной Боснии он дал *uo* (сочетание двух фонем), а на о-ве Ластово — *o*. Этот последний процесс станет понятнее, если принять во внимание, что на о-ве Ластово и в рефлексе *ě* первый компонент не совсем развит: не обнаруживается двусложное произношение *ie* (*ije*), как в большей или меньшей степени в других екавских говорах, но закрепился рефлекс *je* (= *ie*). В соответствующей группе *uo* произошло упрощение, в частности, и потому, что, вообще говоря, *u* не входило в звуковую систему говора.

Что касается дифтонга *ie*, то он в некоторых екавских говорах, например в жумберацком², сохранился в виде отдельной фонемы по крайней мере в известных позициях, в то время как в других позициях он превратился в сочетание фонем *je* или *ie* (*ije*). Таким путем система вокализма свелась к пяти классическим гласным:

u i
o e
a

В части екавских говоров в Черногории, вдоль южной границы сербохорватской языковой территории сохранился гласный *ä* как рефлекс редуцированного, так что там мы имеем:

u i
o e
a ä

§ 15. В большинстве других штокавских, а также и чакавских говоров семичленная система вокализма, данная в § 11 (пункт «а»), свелась в течение XIII и XIV вв. к указанной системе пяти гласных: *ä* (<*ь*) объединилось с *a*, а *e* (<*ě*) с *i* или *e* — при этом значительно раньше, чем екавские говоры оформили свой рефлекс *ě*. Разумеется, такая эволюция не давала возможности для более длительного сохранения (да, в основном, и для образования) качества *o* или *uo* из *!* в екавских и икавских говорах. Это отмечается и в соответствующих письменных памятниках, где не обнаруживается или же очень редко встречается обозначение данного звука знаками *o* или *uo*.

¹ В этом отношении положение в сербохорватском языке интересно и как параллель тому, что наблюдается в некоторых русских говорах.

² Ср. материал в кн.: Milko Porović, Žumberački dijalekat, Zagreb, 1938.

В отличие от других штокавских говоров, говоры, расположенные вдоль северной границы сербохорватской территории (Славония, Воеводина, северная Сербия), долго сохраняли неизменное *e* (= *ě*). Поэтому в Славонии еще в XV в. обнаруживались постоянные колебания в написании *e* и *i* на месте этимологического *ě*¹, а на северо-восточной границе компактной некогда сербохорватской этнической территории в Банате (район Рекаша и Банатской Черной горы к востоку от Темешвара) и в настоящее время рефлексом *ě* служит звук, средний между *e* и *i*². То же самое можно сказать и о двух архаических говорах переселенцев из северной и северо-восточной Сербии, а также о крашованском и галлипольском говорах³. В говорах Рекаша, Банатской Черной горы и в части крашованского говора в настоящее время мы имеем шестичленную систему гласных⁴:

$$\begin{array}{c} u \quad i \\ o \quad e \\ a \quad \ddot{a} \end{array}$$

Между этим типом и данным выше типом черногорских говоров (§ 14) различие этимологического порядка: здесь *e* очень закрытое, происходит из *ě* и ему соответствует также закрытое *o*, в то же время как *\ddot{a}* не является рефлексом *ь*, а восходит к древнему *e* (и *ę*), переставшему быть парным гласному *o*. Это нам объясняет причину стабилизации позиции рефлекса *ě* как отдельной фонемы.

В части крашованских сел, где сохранился звук *ə* как рефлекс редуцированного гласного (крашованы — выходцы из зоны призренско-тимочских диалектов), обнаруживается более сложное состояние⁵:

$$\begin{array}{c} u \quad ə \quad i \\ o \quad e \\ a \quad \ddot{a} \end{array}$$

Таким образом, в данном случае и противопоставление по лабализации оказывается дифференцирующим фактором (ср. стандартную призренско-тимочскую систему, которая отличается от приведенной меньшим числом гласных переднего ряда — § 10).

Наконец, в говоре галлипольских сербов (выселившихся в XVI—XVII вв. из долины Великой Моравы во Фракию), в котором *ě* задержал свое качество *ę*, а *e* и *o* остались артикуляционно с прежним подъемом, сохранилась асимметричная шестичленная система⁶:

$$\begin{array}{c} u \quad \quad i \\ \quad \quad \quad e \\ o \quad e \\ a \end{array}$$

Во время больших миграционных передвижений начиная с XV в., когда северные штокавские районы интенсивно заселялись пришельцами из южных областей, утерялось особое качество *ę*=*ě* в северной штокавской зоне. Современные штокавские говоры, сохранившие качество *ę*, частью являются говорами старых переселенцев, а частью — говорами,

¹ S. Ravičić, указ. соч.

² П. Ивић, Једна досад непозната група штокавских говора: говори с неза-
мешеним јатом, «Годишњак Филоз. фак-та у Новом Саду», књ. I, Нови Сад, 1956.

³ E. Petrović, указ. соч.; П. Ивић, [Извешта] о испитивању говора ...].

⁴ По материалу автора.

⁵ По материалам автора.

⁶ По материалам автора.

утратившими непосредственную связь с основной территорией распространения сербохорватского языка.

§ 16. В кайкавских диалектах семичленная система вокализма (§ 11) оказалась довольно стабильной. В ряде говоров она сохранилась¹; при этом во многих местах рефлекс $\dot{\imath}$ совпал с более старым $\rho < \rho$, а кое-где наряду с $e < \dot{\imath}$ обнаруживается и $e < \dot{v}, \dot{z}$.

В других говорах между тем $\rho > o$ или u (таким образом сложилась шестичленная система гласных, структурно подобная одной из указанных в § 15). В некоторых районах e перешло в e и система вокализма свелась на пятичленную.

§ 17. Этим в основных чертах завершается обзор упрощения² старой системы вокализма в сербохорватских диалектах. В результате анализа этого процесса можно установить следующие основные положения: 1) число гласных значительно уменьшилось (пять, реже шесть и только кое-где семь в сравнении с их первоначальным числом 11); 2) число дифференциальных признаков также сильно уменьшилось (два, максимум три в сравнении с прежними пятью; ср. § 2); 3) в этой эволюции отразилось большое различие между пятью «классическими» гласными, как правило, сохранившимися во всех говорах, и другими гласными, которые исчезли или сохранились в значительно более узких ареалах.

Дальнейшая эволюция системы вокализма в некоторых диалектах

§ 18. Во многих окраинных говорах после фазы упрощения вокализма последовали новые изменения, которые вызвали перестройку, пополнение или усложнение системы.

На юго-востоке области распространения сербохорватского языка, где контакт с турецким языком был особенно интенсивным, гласный $\dot{a}$ (в турецком написании $\dot{\imath}$) в турецких словах не был субституирован, как в других говорах, а вошел в сербохорватскую речь. Это можно сказать не только о говорах призренско-тимочской группы, где вообще известна фонема $\dot{a}$ (как рефлекс редуцированного гласного), но также и о некоторых говорах на Косове и в Метохии, где редуцированный сменился гласным a . В некоторых городах этой области, например в Вучитрне³, где скрещиваются сильное турецкое и албанское влияния, обнаруживается, кроме $\dot{a}$, и $\dot{\imath}$ — также в заимствованных словах. Таким образом, здесь бытуют четыре гласных верхнего подъема, которые имеются в турецком и албанском языках:

u	$\dot{\imath}$
$\dot{a}$	i

Дифференцирующими факторами, создающими различие между этими гласными, являются область артикуляции (передняя/задняя) и участие губ (лабиализованные/нелабиализованные гласные).

¹ Ср., например, материалы С. Ивича и др. (S. Ivšić, Jezik Hrvata kajkavaca, «Ljetopis Jugoslav. Akad. znanosti i um.», 48, Zagreb, 1936). Такое положение в системе гласных можно проследить и по материалам языка кайкавских писателей XVI—XVII вв., которые дают Ф. Фанцев (F. Fancev, Beiträge zur historischen serbokroatischen Dialektologie, «Archiv für slav. Philol.», XXXI—XXXII, 1910—1911) и Р. Алексич, Р. Алексић, Прилози историји кайкавског дијалекта, «Јужнословенски филолог», XVI, 1937).

² Значение упрощения системы вокализма особенно ясно показал М. Павлович (М. Павловић, Примери историског развитка српскохрватског језика, Београд, 1956, стр. 14—16, гл. «Појаве вокалског упрошћавања изговора»).

³ По материалу Г. Елезовича (см. Г. Елезовић, Речник косовско-метохијског дијалекта, свеска I—II, Београд, 1932—1935).

Система вокализма в целом в этих говорах выглядит так:

$$\begin{array}{ccc} u & \bar{a} & \bar{i} & i \\ & o & & e \\ & & a & \end{array}$$

В говоре галлипольских сербов наличествует также несубституированное турецкое $\bar{a}$, так что современная система гласных в этом говоре выглядит так¹:

$$\begin{array}{ccc} u & \bar{a} & i \\ & & e \\ o & a & e \end{array}$$

§ 19. В говоре Мрковичей в окрестностях Бара в Черногории $\bar{a}$, как и во многих приморских говорах, перешло в $\bar{i}$. Это изменение само по себе не имеет фонологического значения, а только фонетическое, но позже произошло сокращение безударных долгих гласных, в результате чего образовалось краткое безударное $\bar{i}$, отличное от краткого безударного a . Это означает, что в безударных слогах в этом говоре обнаруживается семичленная система гласных².

$$\begin{array}{ccc} u & & i \\ & o & e \\ & \bar{a} & \bar{i} \\ & & a \end{array}$$

Казалось бы, что эта система богаче, чем система гласных в ударных слогах, но в действительности здесь дело идет о частичной компенсации утерянного количественного противопоставления: семи гласным в безударных слогах противостоят двенадцать (шесть долгих и шесть кратких) в ударных.

§ 20. Во многих говорах чакавского диалекта вокализм долгих слогов подвергся еще большим изменениям. Кроме перемещения $\bar{a}$ в направлении к o , появился и больший подъем или дифтонгизация e и o . Так, в лабинском говоре в Истрии сложилась система³:

$$\begin{array}{ccc} u & & i \\ \widehat{uo} & & \widehat{ie} \\ & \widehat{oa} & \end{array}$$

Факультативно на месте дифтонгов $\widehat{uo}$, $\widehat{ie}$ и $\widehat{oa}$ произносятся монофтонги o , e , $\bar{i}$.

В старом Граде на о-ве Хвар, где $\bar{a}$ дало $\bar{o}$, первичные долгие гласные o и e дифтонгизировались, появилось новое $\bar{a}$ в результате удлинения первичного краткого a ⁴. Таким образом сложилась характерная шестичленная система гласных с долгими ударными слогами:

$$\begin{array}{ccc} u & & i \\ \widehat{uo} & & \widehat{ie} \\ o & & a \end{array}$$

¹ По материалу автора.

² По материалам Р. Бошковић (Р. Бошковић, О природе, развитку и заменима гласа x у говорима Црне Горе, «Јужнословенски филолог», XI, 1931), а также Л. Вуйовича (Л. Вуйовић, Историски пресјек губљења глаголке реције у пригорским говорима, «Јужнословенски филолог», XX, 1953—1954).

³ По материалам А. Белича (А. Белић, Извештај о прибирању дијалектолошке грађе, «Годишњак Српске Краљевске Акад.», XXVI, Београд, 1914) и М. Малецкого (М. Малецкий, Przegląd słowiańskich gwar Istrii, Kraków, 1930, стр. 61).

⁴ М. Нрасте, Čakavski dijalekat ostrva Hvara, «Јужнословенски филолог», XIV, 1935, стр. 5.

Дифференциальным признаком, создающим различие данных двух рядов гласных, является участие губ: лабиализованные гласные противопоставляются нелабиализованным в отличие от шестичленной системы вокализма, данной в §§ 14 и 15, где функцию дифференцирования выполняет противопоставление передних гласных задним.

§ 21. В истрийских говорах переходного чакавско-словенского типа изменения этого порядка пошли дальше. Там система вокализма оказалась сложнее, поскольку сохранилось особое качество $\check{e}$ (= e или под.), а кроме того и гласный u подвергся изменениям. Так, в Драпчичах в северной Истрии обнаруживаем в долгих слогах¹:

u	i
o	$\ddot{o}$ e
o^a	e^a

Звук $\ddot{o}$ здесь является рефлексом исконного $\bar{a}$ (в то время как современное $\bar{a}$ восходит к $\bar{a}$), а o^a (открытое o) образовалось из $\bar{a}$. Характерно, что и в данном случае включается третий дифференцирующий признак — лабиализованность произношения, но на этот раз у гласных переднего ряда.

Неподалеку от Драпчичей, в населенном пункте Слум, где, как и во многих говорах соседнего словенского языка, o и e подвергались процессу изменения в зависимости от того, находились ли они под исконным ударением, положение еще более сложное²:

u	$\ddot{u}$	i
		e^i
o		e
o^a		e^a
	a	

Тенденция к дифтонгизации $\check{e} > e^i$ свидетельствует еще об одной общей изоглоссе со словенскими диалектами.

§ 22. Во многих кайкавских говорах также возник ряд значительных инноваций в системе вокализма. Характерен пример вокализма кратких ударных слогов в Бедьне³:

$\ddot{u}$	i
o	e
	$\ddot{a}$

Гласный $\ddot{a}$ восходит здесь к e , в то время как современное o в этом говоре получилось из a (*koK sä < kak se*).

Недостаток материалов в имеющейся литературе не дает нам возможности более точно описать разнообразие типов процессов в кайкавских говорах. Все же, в качестве иллюстрации, может быть приведен пример системы гласных долгих ударных слогов в окрестностях Вирья⁴:

u	i
o	e
$\ddot{a}$	e^a

¹ По материалам И. Рибарича (J. Ribarić, Razmještaj južnoslovenskih dijalekata na poluotoku Istri, «Српски дијалектолошки зборник», IX, 1940).

² По материалам И. Рибарича (J. Ribarić, указ. соч.).

³ По материалам С. Ивšича (S. Ivšić, Jezik Hrvata kajkavaca, стр. 86).

⁴ По материалам Ф. Фанцева (F. Fancev, Beiträge zur historischen serbokroatischen Dialektologie, «Archiv für slav. Philol.», XXIX, 1907).

В то время как здесь *и* восходит к древнему *и*, *i* — к древним *i* и *ы*, а *â* — к *â*, гласный *о* происходит из *о*, *р* и *l*, гласный *е* является рефлексом редуцированного и *ě*, а *e^a* — рефлекс *e* и *ę*. Вообще же по своей структуре эта система вокализма имеет много общего с системой гласных в Рекаше, Банатской Черной горе и в некоторых крашованских селах (§ 15).

В противоположность этой шестичленной системе, в которой члены всех трех пар противостоят друг другу по признаку места артикуляции и по признаку лабиализации как дополнительного свойства, в Клошtare обнаруживается шестичленная система долгих ударных слогов, в которой у гласных нижнего подъема роль дифференцирующего фактора играет только место артикуляции, а у гласных верхнего подъема — только участие губ¹:

<i>ï</i>	<i>i</i>
<i>о</i>	<i>e</i>
<i>a</i>	<i>e^a</i>

Здесь *ï* происходит из *и*, *р* и *l*, гласный *i* — из *i* и *l*, *о* — из *о*, *a* = *a*, в то время как *e* и *e^a* того же происхождения, как и в окрестностях Вирья.

§ 23. Если обобщить результаты позднейшей эволюции системы гласных, происшедшей после упрощения праславянского состояния, то можно установить следующее: 1) число гласных в основном увеличилось до семи (только в одном случае оказалось более семи, а именно — девять гласных; ср. § 21); 2) число дифференциальных признаков осталось строго ограниченным (два или три); 3) в редких, правда, случаях из системы выпадали отдельные «классические» гласные.

Характерно, что явления, описанные в §§ 18—22, почти всегда ограничены небольшими ареалами на периферии области распространения сербохорватского языка. Как правило, — это говоры, структура которых сильно изменилась в результате внешнего влияния. Между тем основная часть сербохорватских диалектов обнаружила в этом отношении необычайный консерватизм. Никаких новых перемен не произошло с тех пор, как были заменены характерные для праславянского языка гласные (*ь*, *ѣ*, *р*, *ę*, *ы*, *ě*, а также и *l*).

Распределение гласных

§ 24. Для значительной части территории распространения сербохорватского языка, прежде всего для весьма обширного ареала пятичленной системы вокализма, характерно очень свободное положение гласных. Каждый гласный может быть под ударением (при этом под любым из существующих) и без ударения, в начале, в середине и в конце слова, а также и перед, и после любого согласного. Колоссальная разница с положением, например, в праславянском или в русском языке здесь очевидна. Это, несомненно, является одним из важнейших следствий эволюции сербохорватского вокализма. Единственные ограничения в положении гласных в этих говорах мы наблюдаем при их сочетании. Ясно выражается тенденция избегать таких сочетаний, как *pitaō* > *pito* или *pita*, *jeda-naest* > *jedanajst* или *jedanest*.

Иную представляет картина в большинстве говоров, где имеется более пяти гласных. Ограничения, связанные с позицией в слове (начальной, средней или конечной), равно как и относящиеся к сочетаниям с от-

¹ По материалам Ф. Фанцева (указ. соч.).

дельными согласными, редко встречаются и здесь, но часто обнаруживаются различия в системах долгих и кратких гласных, а также и между ударными и безударными гласными. Для иллюстрации мы приведем здесь лишь несколько типичных примеров, без всякой попытки раскрыть положение в целом, что, в частности, в настоящее время невозможно вследствие недостаточной изученности многих говоров.

§ 25. В крашованском диалектном типе с *э* (§ 15) объединились *a* и *э* в безударных слогах прежде всего в тех морфемах, которые во всех случаях остаются безударными. Подобное явление обнаруживается и в говорах призренско-тимочской группы (§ 10)¹. Кроме того, в крашованских говорах отсутствует различие между безударным *ě* и *i*. Таким образом, во всех этих говорах вокализм безударных слогов сводится к классической пятичленной системе (§ 14).

В говоре галинольских сербов в противоположность семичленной системе гласных в ударных и долгих безударных слогах (§ 18) выступают шесть гласных в кратких заударных слогах и всего четыре гласных в кратких предупдарных:

а) $\begin{matrix} u & \varepsilon & i \\ o & a & e \end{matrix}$ б) $\begin{matrix} u & \varepsilon & i \\ & a & \end{matrix}$

§ 26. В говоре Старого Града на о-ве Хвар (ср. § 20) в кратких ударных слогах (за исключением конечного слога) находим всего четыре гласных:

$\begin{matrix} u & i \\ o & e \end{matrix}$

В кратких безударных слогах выступают все пять классических гласных, в то время как в долгих безударных слогах обнаруживаются также пять гласных, но иного качества: здесь наличествуют все гласные, приведенные в § 20, кроме *a*.

В говоре Драшчицей в северной Истрии (ср. § 21) в предупдарных слогах *ô* (<*u*) и *e* (<*ě*) слились с *i*, так что вокализм свелся к пяти классическим гласным.

§ 27. Указанные различия в основном не отличаются от тех, которые являются обычными, например, для русского языка. С точки зрения сербохорватского языка важно, что они, как правило, обнаруживаются в говорах, структура которых подверглась сильному влиянию неславянских языков (ср. § 23).

Слогообразующие *r* и *l*

§ 28. В настоящей статье автор сознательно до сих пор не принимал во внимание слогообразующие *r* и *l* как звуки, входящие в систему вокализма. Это было вызвано специфическими свойствами самих звуков, которые и не дают нам права на их простое включение в схемы, отражающие систему вокализма. Однако оба эти звука вплоть до XIV в. входили в систему гласных всех сербохорватских говоров. Они могли быть не только слогообразующими, но и ударными. Точно так же оба эти звука могли быть и краткими, и долгими. Их отношение к неслоговым

¹ Материал, который собрали А. Белич и М. Станоевич (см. А. Белич, Диалекти Источне и Јужне Србије; М. Станоевић, Северно-тимочки дијалекат, — «Српски дијалектошки зборник», књ. II, Београд, 1911), показывает, что безударное *a* часто дает *э*, а безударный редуцированный — *a*. Анализ этих примеров приводит к выводу, что противопоставление этих двух гласных в безударных слогах нейтрализуется по крайней мере во многих позициях.

r и *l* определялось позиционно: *r* и *l* принимали на себя функцию гласных в тех случаях, когда не примыкали к другим гласным в той же морфеме (в случаях, как *zarđala*, граница морфем обеспечивает сохранение слогаобразующей функции *r*). Иными словами, неслоговые *r* и *l* были лишь позиционными вариантами безударных гласных *r* и *l*, подобно тому как *i* и *u* во многих языках представляют собой варианты фонем *i* и *u*.

§ 29. Указанное положение нигде не могло полностью сохраниться. В большинстве сербохорватских говоров слоговое *l* сменилось другими звуками. В качестве фонемы оно сохранилось в нескольких населенных пунктах на о-ве Крк¹, в тимочском диалекте и в соседних с ним говорах², а также в говоре некоторых крашованских сел³. Однако ни в одном из этих трех ареалов не сохранилось $\bar{l}$ (в двух же последних утратены вообще все количественные противопоставления).

В отличие от *l* слогаобразующее *r* и в настоящее время сохраняется в большинстве сербохорватских диалектов⁴. Больше того, сохраняются и количественные противопоставления для *r* — как в ударных, так и в безударных слогах (естественно, таких противопоставлений нет в тех говорах, где их нет и для других гласных). Кое-где все же (в значительной части чакавских говоров и в некоторых штокавских, например в Дубровнике и Мостаре) произошло сокращение $\bar{r}$. Кроме того, в известных областях, и притом только периферийных, по-видимому всегда под чужим влиянием, вообще утеряно всякое *r*.

В говорах Призрена и Печи *r* перешло в *ar*⁵; подобное же явление обнаруживается и в тех крашованских селах, где сохраняется фонема *a* (там и $l > al$)⁶. В разных чакавских говорах находим развитие $r > ar$, в то время как на Кварнерских островах также произошло изменение $r > ar$ (конкретными рефлексамися являются *ar*, *er*, *or*, в зависимости от рефлекса редуцированного).

Характерно, что процесс развития *r* и *l* в сербохорватском языке в основном подчинился принципу, лежащему в основе процесса развития гласных: сербохорватская эволюция вокализма в общем сократила число унаследованных ею гласных паноловину (ср. § 17, п. 1).

§ 30. Вопреки всему тому, что сказано в § 28, *r* — не совсем равноправный член в системе гласных сербохорватских говоров. Не только потому, что *r* встречается значительно реже других гласных, но и потому, что позиционно он подвергается значительным ограничениям, которых не знают другие гласные. Этот звук, как правило, обнаруживается под ударением или в морфемах, где ударность чередуется с безударностью. Кроме того, *r* не встречается во флексиях и словообразовательных суффиксах, а также в префиксах, энклитиках и проклитиках. В одном слове *r* может быть только один раз. Наконец, гласный *r* не может стоять после некоторых согласных, как, например, после *l*, *n*, $\bar{l}$, $\bar{n}$, *j*,

¹ V. O b l a k, Zum silbenbildenden *l* im Slavischen, «Archiv für slav. Philol.», XVI, стр. 200—201.

² А. Б е л и ћ, Диалекти Источне и Јужне Србије, стр. 91—105.

³ Е. Р е т р о в и с и, указ. соч., стр. 84—86.

⁴ Изменение *-l* (в конце слога или слова) $> -o$ (а также выпадение *h*) в большинстве штокавских говоров привело к известным изменениям в фонологических отношениях между слоговым и неслоговым *r*. О положении в современном сербохорватском литературном языке см. П. С. К у з н е ц о в, О фонологической системе сербохорватского языка, ИАН ОЛЯ, т. VII, вып. 2, 1948, стр. 132—133 и R. J a k o b s o n, On the identification of phonemic entities, «Travaux du Cercle linguistique de Copenhague», V, стр. 209.

⁵ По материалам автора.

⁶ По материалам автора.

ć, đ, ž и т. п. (Это последнее ограничение очень важно: такого порядка ограничения обычно существуют для согласных, и в этом случае гласный *ɛ* имеет свойства согласного *r*.) Все сказанное о *ɛ* в полной мере относится и к *l* в тех говорах, где оно сохранилось¹.

Особенности сербохорватской просодии

§ 31. Как известно, сербохорватский язык относится к тем языкам, в которых не только ингерентные свойства гласных, но и просодические моменты² играют роль дифференциальных признаков. Это положение унаследовано еще от праславянского языка. Или, точнее, сербохорватский язык унаследовал из праславянского языка просодические противопоставления: по месту ударения, по качеству ударения (восходящее/нисходящее) и по его количеству (как в ударных, так и в безударных слогах). Восходящие ударения могли стоять в слове на любом слоге, а нисходящие — первоначально только на первом слоге. Но уже в очень ранних фазах развития сербохорватского языка обнаруживаются в нем нисходящие ударения и в средних, и в конечных слогах.

§ 32. Ни в одном говоре сербохорватского языка унаследованная просодическая система не осталась неизменной. Общий процесс упрощения привел прежде всего к ликвидации различия между двумя краткими ударениями, и так образовалась система трех ударений: долгое нисходящее $\sim$, долгое восходящее $\sim$ и краткое $\backslash$. Вслед за этим изменением, общим для всех говоров, наступило уравнивание долгих ударений в центральной и восточной зоне. Так, например, в полной мере омонимы стали слова *šid* «judicium» и *šid* «vas». Таким образом, в ареале, охватывающем большую часть области распространения сербохорватского языка, исчезли противопоставления по качеству ударения и система ударений свелась на две единицы: $\sim$ (долгое ударение) и $\backslash$ (краткое ударение). Так число возможностей акцентировки существенно уменьшилось. Прежде ударение — нисходящее или восходящее — могло стоять на любом слоге в слове, так что число возможностей акцентировки, не считая количественных свойств, было равно удвоенному числу слогов (алгебраически выражено: $x = y \times 2$); после упрощения число возможностей акцентировки, принятое в указанном смысле, оказалось равным числу слогов ($x = y$), поскольку в новых условиях и ударение могло стоять на любом слоге, но не было больше различия в восходящих и нисходящих типах ударения.

§ 33. В некоторых говорах эволюция на этом прекратилась и на юго-востоке в призренско-тимоческой зоне ликвидировались все количественные противопоставления, так что из просодических явлений только место ударения сохранило функцию дифференцирования.

Однако в большинстве говоров появился так называемый новошток-кавский перенос ударения. С конечных и средних слогов ударение отошло на один слог ближе к началу слова. При этом на новом месте ударения появились новые восходящие интонации, что вызвало восстановление противопоставления по качеству ударения в долгих и кратких слогах

¹ В современном литературном языке *l* вновь обнаруживается — и притом в иностранных словах типа *ansambl* (П. зорџић, Самогласничко *l*, «Јужнословенски филолог», XI, 1931). Появление этого *l* позиционно обусловлено (с гласными выступает только согласный *l*, даже в парадигмах тех же слов: род. падеж *ansambla* и т. п.). Это *l* не может стоять под ударением, за исключением иностранных или диалектных имен, обычно топонимов (*Vltava* и т. п.).

² О сущности этих свойств см. новейшую работу Р. Якобсона и М. Халле (R. J a k o b s o n, M. H a l l e, Fundamentals of language, 's-Gravenhage, 1956). Просодические свойства рассматриваются здесь в связи с гласными, потому что они сосредоточиваются прежде всего в гласных как носителях слоговости.

(в некоторых штокавских говорах только в долгих слогах, поскольку краткого восходящего ударения нет). Все же в новой системе ударений число ударных возможностей не увеличилось. Нисходящие ударения могли стоять только на первом слоге, а восходящие — на всех слогах, кроме последнего.

В смысле ударных возможностей это означает:

$$x \left(\frac{\text{Восходящие ударения } y-1}{\text{Нисходящие ударения } 1} \right) = y \quad (\text{число слогов в слове})$$

Другими словами, противопоставление ударения по качеству, которое возникло на первом слоге, явилось лишь компенсацией за потерянную возможность акцентировки последнего слога. Однако это никак не умаляет значения того факта, что в большей части штокавских говоров имеется четыре вида ударения: нисходящие $\sim$ и ∇ и восходящие $\swarrow$ и $\searrow$.

§ 34. В некоторых посавских говорах, сохранивших старое долгое восходящее ударение ($\sim$), также произошел новоштокавский перенос, что привело к образованию системы пяти ударений: $\sim$, ∇ , $\swarrow$ в долгих слогах и ∇ и $\searrow$ в кратких. В некоторых из этих говоров отсутствует $\searrow$, так что в системе остается лишь четыре ударения.

Таким образом, в настоящее время в сербохорватском языке существуют следующие системы ударений:

(§ 33, начало)

(§ 33)

(§ 32—33)

(§ 34)

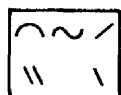
(§ 32)

(§ 32)

(§ 34)

§ 35. Очень характерна корреляция, точнее равновесие, которое существует между числом гласных фонем (принимая во внимание только ингерентные их свойства) и числом ударений. В тех говорах, где имеется четыре или пять ударений, как правило, наличествует только пять классических гласных (+ ζ), большее же число их обнаруживается там, где всего лишь три ударения или меньше. Число комбинаций существующих гласных с возможными ударениями всегда остается в определенных границах и почти никогда не переходит цифру 25¹. Это пра-

¹ Диалекты, положенные в основу литературного языка и занимающие очень большую территорию, имеют 24 таких комбинации (шесть гласных, считая $i\zeta$, помноженное на число ударений 4). Большое число комбинаций — в посавских говорах с системой пяти ударений ($6 \times 5 = 30$) и в тех екавских говорах, в которых ζ продолжает быть особой фонемой (т. е. $24 + 2 = 26$). Существует также и один черногорский говор с $\tilde{a}$, сохранивший все четыре штокавских ударения, где число комбинаций составляло бы 28. Однако в этом говоре (у васоевичей) восходящие ударения не имеют фонологической самостоятельности. Они обнаруживаются только на предпоследнем слоге перед кратким последним, как, например, *seštra* или *národ*, перед энклитиками же произносятся *seštra* (*je*) или *národ* (*je*), что указывает на то, что формы с восходящими ударениями суть лишь позиционные варианты, появляющиеся в конце речевого такта. Поэтому комбинации гласных с этими ударениями в говоре васоевичей нельзя принимать во внимание на общих основаниях.

вило является результатом тенденции к экономии дифференциальных средств, упомянутой в § 2. В одних говорах упрощение системы вокализма достигается прежде всего уменьшением числа гласных, а в других главным образом уменьшением числа ударений.

§ 36. Упрощение системы вокализма во многих говорах, и прежде всего в периферийных, шло также по линии ликвидации количественных противопоставлений в безударных слогах во всех или только определенных позициях. Характерно, что этот процесс, вообще известный под названием сокращения долгот, охватил — в большой степени или в полной мере — все говоры, в которых больше шести гласных (+ ζ). Это значит, что здесь существует в некотором роде обратная пропорция между ролью ингерентных и ролью просодических дифференцирующих факторов.

§ 37. Подводя итог нашему анализу можно установить, что в сербохорватских говорах ясно обозначаются два полярно противоположных типа вокализма (включая сюда и просодические свойства). С одной стороны стоят говоры, характеризующиеся следующим: 1) пятью гласными + ζ ; 2) тем, что система гласных тождественна в долгих и кратких, а также в ударных и безударных слогах; 3) четырьмя (реже пятью) различными ударениями; 4) сохранением количественных противопоставлений в безударных слогах во всех или во многих позициях.

Этому структурному типу противостоит другой (его можно назвать периферийным), имеющий следующие характерные черты: 1) шесть или больше гласных, обычно + ζ (которого нет в некоторых говорах этой группы, в то время как в других наряду с ним обнаруживается и /); 2) различие между системой гласных в долгих и кратких слогах или (либо и) между системами в ударных и безударных слогах; 3) максимум три различных ударения; 4) исчезновение количественных противопоставлений в безударных слогах во всех или во многих позициях.

Естественно, нет полного совпадения изоглосс каждого из указанных свойств, так что можно было бы построить целую шкалу переходных типов и вариантов. Но принцип противопоставления центра и периферии этим не был бы нарушен — выявились бы только различные оттенки. Характерно, что, с одной стороны, все свойства первого типа обнаруживаются в чрезвычайно широкой центральной зоне, которая простирается от Адриатического моря, от окрестностей Дубровника и Макарска вплоть до северной Воеводины — до района Субботицы и Кикинды, с другой стороны, — второй тип одинаково хорошо представлен в таких говорах, как слумский — на западной границе (§ 21), мрковицкий — на южной границе (§ 19) и тимочский — на восточной границе (§§ 10 и 25). Характерным для сербохорватской эволюции гласных является, конечно, первый тип; представителями же второго типа оказываются говоры, структура которых изменилась в результате контакта с соседними языками.